

Официальный сайт

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Мурманской области

Журнал «Кровь5»: «Следствие ведет донор»

В Следственном комитете тоже работают потенциальные доноры костного мозга. Так, в августе в Национальный РДКМ вступили сразу три сотрудницы мурманского областного управления СК РФ. Среди них – Ангелина Тенце, заместитель руководителя отдела по расследованию особо важных дел. В разговоре с Кровь5 она рассказала о полицейской коррупции, врачебных ошибках и современной технике на службе следствия.

- Кровь в нашей работе – важное биологическое доказательство. Если она найдена на месте преступления и не принадлежит жертве, то это... очень хорошо. Значит, скорее всего, будет установлен человек, которому она принадлежит. И с большой вероятностью он и есть преступник. Ведь присутствие крови говорит, что была борьба, что жертва оставила какие-то следы и раны на виновнике преступления. Исследовав, какие капли, на каком расстоянии, под каким углом упали, можно восстановить всю картину. Это целая наука.

Впрочем, саму экспертизу крови и всего остального делают другие люди – эксперты. Наша задача как следователей объяснить им, что исследовать, где и какие доказательства попытаться получить. Все, что они добудут, мы анализируем, делаем запросы, наводим справки. Сейчас я занимаюсь в основном коррупционными, экономическими, налоговыми делами. Но у нас считается, что любой молодой следователь СК должен начать с общеуголовных преступлений, чтобы набраться опыта.

И я, конечно, тоже когда-то расследовала убийства. Обычно все они довольно банальны: на праздниках люди распивают спиртные напитки, потом начинают выяснять отношения, а заканчивается тем, что кто-то кого-то убивает.

Хотя у меня был и случай, когда молодой человек убил соперника из-за несчастной любви. Тот пытался спастись, забежал в магазин. Преступник его догнал и прямо в магазине добил ножом. Казалось бы, магазин – место у всех на виду. Но это был маленький продуктовый в небольшом поселке. Продавщицы в этот момент в зале не было, покупателей тоже, видеокамер – и подавно. Но мы установили, что у преступника видели именно такой нож, которым был убит потерпевший. Потом и под тяжестью улик подозреваемый признал вину.

Один раз мне пришлось выезжать на осмотр тела мужчины в тундру на расстоянии 10 километров от ближайшего населенного пункта. Провожатый довел нас до места и растворился. Это был рыбак, сказал, что пойдет дальше рыбачить. В результате мне и двум оперативникам пришлось несколько часов плутать по незнакомой местности, чтобы выбраться обратно к дороге. Наверное, это был самый опасный случай в моей практике. В большинстве своем наша работа с непосредственным риском не связана. Хотя иногда мы наступаем на преступные интересы самых разных людей. И тогда приходится принимать меры охраны.

Я продолжаю династию. Моя мама тоже была следователем, папа – экспертом-криминалистом. После школы выбирала между профессией журналиста и тем, чтобы пойти по стопам родителей. Поступила в мурманский вуз на специальность, связанную с журналистикой, и одновременно – в Санкт-Петербургский университет МВД России. Однако Петербург поразил меня своей красотой, и выбор был сделан в пользу правопорядка. С 2003 года я работала следователем в полиции. А в 2008-м перешла в Следственный комитет.

Сейчас я по должности курирую работу подчиненных следователей. Это даже интереснее, потому что так я занимаюсь не одним конкретным уголовным делом, а имею отношение сразу ко многим. Мы с подчиненными их обсуждаем, спорим, я пишу указания, выявляю ошибки, советую.

Например, все время советую допрашивать ключевых свидетелей с применением видеофиксации. Потому что часто бывает, что человек приходит в суд, встречается глазами с обвиняемым – и все, теряется. Стесняется повторить свои показания в глаза человеку или боится. И начинается: следователь меня не так понял. Если допрос снят на видео, человеку

чисто психологически сложнее поменять показания.

Современная техника, конечно, облегчила нам работу. У нас, например, есть такая программа – «Мобильный криминалист». С ее помощью можно скачать всю информацию с сотового телефона: все SMS-сообщения, галереи, фотографии, переписку из некоторых мессенджеров. В телефоне можно найти много разного рода доказательств. Все это очень удобно систематизируется. Есть поиск – можно найти какие-то фразы, слова, номера телефонов.

Но вообще преступники, как правило, очень изворотливы, хитры и скрывают следы преступлений. Особенно коррупционеры, с которыми мы часто имеем дело. Свежий пример – сотрудники ГИБДД, которые вместе с жителями Мурманска осуществляли автоподставы, обманывая страховые компании.

Недавно было интересное дело. Сотрудники полиции решили зависеть, скажем так, свои служебные достижения. И вместо того чтобы честно раскрывать преступление, они решили сами его сфальсифицировать.

Пригласили мужчину, уговорили его, скажем условно, за бутылку водки совершить правонарушение – вылов семги. Обещали, что он отделается штрафом, который они сами и заплатят. Привезли на берег реки, дали ему сеть и тушку мертвой семги. И стали снимать на камеру – якобы он вытягивает рыбу из реки. То есть все срежиссировали, от начала и до конца. Сейчас сотрудники уволены из органов и ждут суда.

Бывает, что найти доказательства очень сложно. Особенно это касается преступлений, связанных с врачебными ошибками. По каждому такому делу мы назначаем по несколько судебных экспертиз. Как правило, стараемся обращаться за ними в другой регион: Москву, Питер. Но экспертам зачастую не все ясно, чего-то не хватает. Проходит не один месяц, прежде чем мы можем разобраться, что же произошло, виноват ли тот врач или нет. Крайне сложно доказать, какие именно правила нарушил доктор и что именно эта ошибка привела к тем или иным последствиям. Часто бывает так, что ошибка есть, но она не имеет причинно-следственной связи с последствиями.

В зависимости от наличия или отсутствия умысла квалификация в таких делах разная. В каких-то случаях действия врача оцениваются как причинение смерти по неосторожности. Когда доктор ошибся, хотя по квалификации должен был все предусмотреть, и человек погиб. Вот пример такого дела. Во время эпидемии гриппа педиатр одной из поликлиник не выполнила необходимые действия: выписала не те лекарства, не назначила рентген, не предложила госпитализацию. В итоге пациентка, девочка 15 лет, находясь на амбулаторном лечении у педиатра, скончалась от пневмонии. А бывает, что врач осознанно поступает неправильно. Тогда мы квалифицируем это как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья пациента. Но это доказать еще сложнее.

Официальный сайт

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Мурманской области

Мне всегда жалко потерпевших, особенно когда это дети. Если преступление заканчивается смертью ребенка, я не могу спокойно к нему относиться. Возможно, есть в наших рядах люди с профессиональной деформацией, которые таких чувств не испытывают. Но это точно не про меня. В Следственном комитете, как правило, работают порядочные и неравнодушные люди. Поэтому мы и вступили в Национальный регистр доноров костного мозга имени Васи Перовощикова.

Это очень хорошее дело. Ведь на самом деле от этих болезней никто не застрахован. В конце концов, мы и сами можем оказаться в числе тех, кому нужна помощь. И чем больше людей будут поступать как мы, решат, что стоит сдать кровь на HLA-типирование, тем больше жизней будет спасено. Это же логично.

Конечно, я где-то видела информацию, что искать доноров за рубежом очень дорого и в России создается собственный регистр. Но не знала, что сдать анализ и вступить в него настолько легко. Узнала – сразу пошла и сдала.

Кстати, на тот момент я еще не знала, как делятся костным мозгом с больным. Думала, что для его забора делают прокол в позвоночнике большой иглой. Но даже тогда считала, что это ничто по сравнению со спасением человеческой жизни. Мы же люди и должны думать о других.

Подготовили Любовь Царева, Людмила Геранина

[ИНТЕРВЬЮ В ИСТОЧНИКЕ](#)

30 Ноября 2020

Адрес страницы: https://murmansk.sledcom.ru/press/SMI_o_nas/item/1518962